

ГЕЛО НИПОС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

НАДЕЖДА

Гело Нипос

Надежда

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Гело Нипос

Надежда / Гело Нипос — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Препарат «Новая жизнь» - великое открытие человечества. Чудодейственная формула способна навсегда улучшить интеллект и укрепить иммунитет. В связи с нехваткой ресурсов для его создания общество делится на два сословия. Мир изменился. Появились новые причины ненавидеть друг друга. Лео и Майкл - два обычных человека, не желающих принимать новые законы и правила. Именно им предстоит изменить жизнь единственного города на земле. И вряд ли в этом замкнутом пространстве у кого-то получится остаться безучастным в конфликте, спровоцированном неравенством общества, ведь здесь бежать некуда. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	5
22 октября 2060 год	5
Глава 1	12
2075 год	12
Глава 2	25
2060 год	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Предисловие

22 октября 2060 год

Среди шумной толпы около десяти часов вечера несколько близких друзей сидели в небольшом баре и громко разговаривали, перебивая друг друга, вспоминая времена, оставшиеся за пределами города Надежды. Заведение находилось в бедном квартале, и для многих это подвальное скрытое помещение было чуть ли не единственным местом, где было возможно, не опасаясь полиции или «помощников полиции», говорить о чём вздумается, высказать свою точку зрения по поводу нынешней власти и вообще вести себя так, как вздумается несовершеннолетним. Сюда заходили исключительно взрослые мужчины, и, казалось, лучшего места для общения с друзьями просто не найти. У этого бара даже не было названия или какой-нибудь рекламы, все посетители знали друг друга в лицо, так как жили по соседству уже очень давно, и если кто чужой и мог сюда зайти, то это было совершенно случайно.

– Ричард, сделай громче! – крикнул Шон, и все разом замолчали, уставившись в телевизор. Начался вступительный ролик. На экране появилась надпись о том, что передача посвящена пятнадцатилетию всемирной войны, затем замелькали фотографии погибших знаменитых людей, и ведущий попросил почтить их память.

– Благодаря уколу с препаратом «Новая жизнь» увеличивалась мозговая активность за счёт задействования неиспользуемой части мозга и значительно укреплялась иммунная система. Укол можно было сделать только один раз, и действие его длилось всю жизнь, – сказал ведущий Адрианно Налетти. – В связи с этим общество разделилось на два сословия: совершенные, которые могли позволить себе купить «Новую жизнь», считавшие себя новой идеальной расой, и несовершеннолетние – люди, у которых не было возможности приобрести дорогостоящий препарат. Вскоре препарат «Новая жизнь» перестали выпускать из-за нехватки ресурсов для его создания, но так называемые улучшения передавались по наследству, – продолжал Налетти. Причёска Налетти менялась каждый день. Это были прямые рваные пряди или каре с какими-нибудь повязками или обручем. Сегодня его тёмные волосы были уложены назад и немного приподняты. Широкие брови были слегка дорисованы, глаза с подводкой, бордовый костюм с чёрной рубашкой и белым галстуком – это был его сегодняшний образ.

– Эх, как бы я жил сейчас, если бы сделал этот проклятый укол? Наверное, не сидел бы...

– Заткнись, Крис! – грубо перебил его Шон и пригладил свои светлые волосы ладонью на правую сторону.

– Доказано, что несовершеннолетние, или ещё их называют несова, больше подвержены различным заболеваниям и отличаются менее развитым интеллектом. Несовершенные и совершенные внешне почти ничем не отличаются. Лишь по одежде, манерам можно определить человека высшей расы или несова, – говорил Адрианно Налетти, и каждый раз, когда его начинали показывать с нового ракурса, через пару секунд он эффектно поворачивался к камере.

– Они вообще уже охренели! Говорить такие вещи по телевизору! – возмутился здоровяк Эл после воцарившейся паузы, за время которой присутствующие с шокированными лицами проанализировали последнее высказывание Налетти. Здоровяк сильно ударил кулаком по столу. Вспомнив, что хозяин бара неоднократно за это его ругал, ведь не один стол погнулся под огромными кулаками-кувалдами Эла, здоровяк виновато посмотрел на Ричарда и улыбнулся, продемонстрировав отсутствие нескольких зубов. Рич в ответ закатил глаза и покачал головой.

– Скажи спасибо, что нас ещё не называют отбросами в прямом эфире, – недовольным тоном произнёс Шон и продолжил: – Несмотря на их безупречность, они не смогли спасти

планету от ядерной войны, начавшейся из-за акта терроризма. Пожары, возникшие как следствие обмена атомными бомбами, оккупировали почти весь мир.

– Уверен, это совы сами же и подстроили, – утвердил Крис с невозмутимым выражением лица и поднёс бокал пива ко рту.

– Да глупости. Зачем им это? Много сов тоже погибло. Они просто не настолько умны, как им кажется. Я придерживаюсь мнения, что это устроила Белая община.

– Политики некоторых государств оказались на редкость предусмотрительными, заранее создав убежище. Всё-таки, думаю, это совершенные. Надежда – это тебе не шутки! Вот! Как раз про неё! – закричал Крис, показывая в телевизор пальцем, и пригладил волосы назад, прикрыв лысину, одновременно стыдливо стреляя взглядом по сторонам, не заметил ли этого кто-нибудь.

– Я уверен, что среди членов правления есть несовершеннолетние. Такие, как мы. Друг моего друга, знакомый с парнем, у которого жена общалась с женщиной, знающей одну совершенную из Дома власти, так вот, она рассказывала, как видела, что жена Главы Правления кашляла и чихала. А, как известно, совершенные не болеют простудными заболеваниями.

– Ну, это веское доказательство. Кто, говоришь, тебе это сказал? – рассмеялся Крис.

– Так, всё! Тихо! – холодно сказал Шон и уставился в телевизор. На экране появился мужчина с сигаретой между жёлтыми от никотина пальцами. Он затянулся посильнее, выпустил дым на почти высохший цветок, и это были последние секунды жизни для них обоих. Яркий свет ослепил его. Вдалеке выросла огромная фигура из дыма и огня, напоминающая брокколи. Взрывной волной ему выбило барабанные перепонки, и из ушей потекла кровь. Он упал на колени и вспыхнул пламенем. Плавилась и горели бетонные стены, асфальт, металлические крыши. Адрианно с печальным видом продолжил:

– Всё, что было домом, умерло по вине своих хозяев. Многие люди, не сумевшие купить себе место в Надежде, сгорели заживо. Совершенные ясно дали понять, что убежище почти заполнено. Проектирование Надежды и поиск благоприятного места для её постройки заняли двенадцать лет. На постройку убежища ушло ещё пять лет. Окончательный размер составил 243 809 квадратных километров. Ветряная электростанция, которая благодаря своей продуманной высочайшей надёжности пережила ядерный взрыв и последующий мощный импульс электромагнитного излучения, размещалась вокруг купола снаружи. Купол из толстого слоя, включающий в себя кирпич, рыхлый и плотный грунт, сталь, свинец и воду, защищает жителей Надежды от продуктов радиоактивного распада и радиационных осадков, возникших в результате ядерного взрыва. Кроме этого, купол служит в качестве огромного испарителя. Собранная дождевая вода проходит глубокую очистку, и система циркуляции создаёт эффект кондиционирования. Таким образом, мы прекрасно чувствуем себя в мягком микроклимате Надежды. Помимо этого, под куполом крепятся атмосферные комплексы, которые обеспечивают подачу очищенного воздуха и, как нам обещают в будущем, смогут создавать различные погодные условия. Уникальная система ультрафиолетовых ламп является аналогом солнца. Огромный город с необходимыми условиями выживания стал новым домом, пока значительная часть планеты является открытым источником радиации.

– Ага, ага! Домом для многих! Вы это слышали? – обратился к посетителям бармен Ричард, шустро протирая барную стойку. – Они не хотели нас пускать! Это потом они уже подумали заселить нас в Надежду за надобностью рабочей силы. Места в убежище хватило бы для всех выживших, предусмотрительно записавшихся в добровольцы. У нас все, кроме совершенных, живут в мире, в котором люди чертовски сильно недовольны жизнью. Даже войну выиграли, и всё равно все недовольны. Совы получают от правления весомую поддержку, а мы лишены многих выгодных жизненных перспектив. Почему так? Я каждый день молюсь, чтобы мир изменился. Я не хочу мстить, не хочу никого обвинять, я устал. Просто хочу жить спокойно.

– Ладно, давайте послушаем, – сказал Шон, приподнявший свои густые брови, и нервно замахал обеими руками.

– Проблема восстановления цивилизации объединила человечество в одно единое мировое государство. Выжившие люди на голосовании выбрали членов Дома Правления, принимающих политические решения, отражающие интересы народа. В Дом Правления входили только совершенные, уже отработавшие политиками, – говорил Налетти.

– Ага! А нас бросили жить на окраине вдоль стен! Бедный квартал! Вот так называют наш дом и считают нас прошлым, а себя – будущим, – возмущению Шона не было предела, но когда бородатый здоровяк Эл встал и, глядя на него, прислонил указательный палец к губам, Шон покорно заткнулся.

– Дом Правления, избранный народом, – продолжал ведущий, – обещает принимать справедливые и правильные решения, основываясь на опыте общества. Эти решения принимались с помощью вашего покорного слуги, – сказал Адрианно и поклонился, – в нашей дорогой и любимой телевизионной передаче «За и против», в которой политики проводят дебаты. Передачу транслируют по центральному каналу, и каждый совершенный в таких случаях обязан проголосовать за или против. Исход зависит только от решения народа. Механизм народо-властия осуществляется с помощью СМС-голосования, решая проблемы своего государства.

– Их послушай, так, по сути, политики ничего не решают, а якобы просто спорят в прямом эфире, доказывая каждый свою точку зрения, – Ричард выключил телевизор и глубоко вздохнул, почесав бороду. – Ага. Решение народа. Наше-то мнение не учитывается, а живём мы по их законам, – сказал он. – Даже совместное проживание в замкнутом пространстве не смогло уничтожить неприязнь к нам. Смертную казнь мы-то уж точно бы не разрешили! Тем более действующую только на нас. Спаривание совершенных с несовами тоже незаконно. Ограничений очень много. Мы живём под гнётом своих улучшенных собратьев, не надеясь дорасти до их интеллектуального уровня и обрести все их привилегии.

– Ну ладно, Рич, что-то ты разошёлся, – промычал Крис. – А вот одну сучку из совершенных, ну, эту... как там её? Короче, которая следит за соседним районом! Вот я бы с ней спарился!

– Как обычно из всего, что я сказал, ты услышал только про спаривание, – возмутился Рич.

– Я же не виноват, что ты частенько это упоминаешь, – сказал Крис, и толпа захихикала.

– Включи телик!

Адрианно Налетти снова заболтал:

– Со временем совершенные создали свод правил, по которым должен жить послушный несов. Первое правило: несовершеннолетний обязан работать до самой смерти. Второе правило: несовершеннолетний обязан уважать и подчиняться любому из членов Новой расы. Третье правило: несовершеннолетний обязан создать семью и иметь не менее двух детей. Четвёртое правило: несовершеннолетний обязан докладывать о любых замыслах и преступлениях, направленных против Новой расы. Каждый несовершеннолетний должен был, кроме общепринятых законов, соблюдать эти четыре правила.

– Совы сделали нас рабами. Заработанных средств в лучшем случае хватает ровно на месяц. За что с нас вычитают налоги, если медицина, образование, жильё платные? – снова возмутился Шон.

– Продукцию, произведённую нами, наши деньги они отнимают в виде оплаты за необходимые для нас же товары и услуги с помощью налогов и платежей, – подключился Рич.

– Это точно! Красиво сказал. Короче, это какой-то скрытый механизм принуждения несовов к работе. Мы и так страдаем, а они ещё умудряются вводить новые законы, одни строже других, – сказал Шон.

– При всём при этом мы работаем на структуры, отражающие только интересы государства, – добавил Рич.

Бармен Ричард, он же и хозяин бара, за скромную плату разливал гостям собственноручно сваренное пиво. Налога за бар он не платил, так как о заведении почти никто не знал. Также как никто не знал, из чего он варит своё пиво. Бывших хозяев дома казнили, и он поселился здесь, а чуть позже сделал из подвала дешёвое заведение. Выкрасив железный пол в коричневый цвет и стены – в тёмно-зелёный, соорудив что-то наподобие барной стойки, Ричард решил заняться делом, о котором всегда мечтал. Через некоторое время у него уже были постоянные клиенты, живущие неподалёку, и хозяин бара перестал чувствовать себя одиноким, а ещё позже новые друзья познакомили Ричарда с Бри – женщиной примерно такого же возраста, ставшей ему любимой, верной подругой. Расставленные на прикрученных к стенам полках книги, источенные временем, хранились в дорогостоящих кожаных обложках, но Ричард никогда бы их не продал. Он берёт их как сокровище. Плакаты с изображением знаменитых композиторов, железная мебель, покрашенная под деревянную, и муляжи окон будто бы нараспашку, в каждом из которых был свой нарисованный пейзаж, создавали домашний уют. Также на полочках красовались статуэтки балерин, шутов и всевозможных животных.

– Раньше я бы без труда устроил сына на работу. После училища для несовов сразу направляли на завод! – вдруг высказал Шон.

– Раньше не было талонов на еду, приходилось покупать.

– А сейчас еды нет!

– На Создателе много еды. Нужно работать, чтобы есть. Так было всегда, – прокричал Крис и залпом допил бокал. Часы на стене показывали 22:00 22 октября 2060 года.

– Знаешь, с каким словом рифмуется работа? Блевота! Ты говоришь как совершенный! Может, ты ещё скажешь, что мы заслужили такую жизнь? – спросил Шон и начал оглядываться по сторонам, ища поддержку. В ответ толпа полностью поддержала Шона своими громкими возгласами.

– Крис, может, ты пойдёшь в помощники полиции, раз ты такой фанат совершенных? – привстав за столиком в центре, выкрикнул здоровяк Эл.

– А может, и пойдёшь. И вы все будете этому только рады. Потому что буду прикрывать ваши жопы, когда потребуется. Надо как-то приспособливаться, – сказал Крис. – Алло, это мой дружище и помощник полиции Крис? Я тут вломил одному. Разбил ему рожу, а он пожаловался полицейским. Прикрой мою жопу, пожалуйста, – удачно спародировал Крис здоровяка Эла, затем махнул рукой в его сторону, изобразил что-то вроде вялого разочарования, молча поднялся и подошёл к бармену Ричарду.

– Рич, я знаю, в глубине души ты на моей стороне. Плесни мне ещё пива.

В ответ Ричард ухмыльнулся и, не сказав ни слова, окинул взглядом толпу.

– Так, ты нашего Ричарда не тронь! А то придётся тебе всех нас угощать пивом, дружище Крис, – сказал Эл, и все присутствующие, включая самого Криса, громко засмеялись.

– Я просто хочу сказать...

– Ты просто пей и помолчи, мы хоть отдохнём немного, – с улыбкой произнёс Шон, и толпа снова захохотала. – Ты и сам так не думаешь, тебе лишь бы поспорить.

– Скажи мне, дорогой друг, а не жил ли я вместе с тобой в вонючем общежитии, в которое нас поселили после училища? В Надежде нам хотя бы выдали дом. Дом каждому несовершенному! Помню, как ходили в застывшей от бесконечной носки одежде, потому что негде было постираться. И сейчас мы сидим в баре у Ричарда, а не гниём в деревянном сарае, – сказал Крис, и после этого все остальные начали стучать по столу и топтать ногами.

– Мы сидим в самом лучшем баре во всей Надежде! – громко сказал здоровяк и поднял бокал в сторону бармена.

– Спасибо, конечно, но бесплатного пива вы от меня не дождётесь! Знаю я ваши хитрости, – с улыбкой произнёс Ричард, и Эл виновато опустил на своё место. Все захихикали.

– Вообще-то, я хотел поговорить о ферме. Если бы нам дали право голосовать, как бы вы отнеслись к поеданию человечины? – спросил Крис. Речь его уже была слегка заторможена.

– Я полностью за, брат, – промолвил Шон и с видом знатока кивнул, – даже не представляю, чем бы нас кормили эти ублюдки совершенные.

– А вы слышали, что в школах совершенных теперь есть дисциплина, которая называется «Правила поведения с несовершеннолетними»? – выкрикнул кто-то из зала, но ответа он не дождался.

Друзья в баре были слишком увлечены беседой, чтобы обратить внимание на шум за дверью. К тому же выпитый алкоголь притупил чувство осторожности. Дверь со скрипом открылась, и в бар вошли двое полицейских. Пластиковые козырьки их головных уборов блестели, тёмно-синяя выглаженная форма наводила страх, чёрные кожаные туфли угрожающе стучали каблуком при каждом шаге. По их недовольному виду было ясно, что они подслушали разговор. За такое сквернословие в адрес Новой расы наказанием была смерть. Полицейские сели за столик вместе с Шоном на единственные два свободных места в баре.

– Пива нам, – грубо произнёс офицер, и Ричард, наигранно улыбаясь в ответ, принялся разливать пиво по бокалам. Затем торопливо поднёс их неожиданным гостям. В зале бесконечные разговоры и беззаботный смех стихли. Шон испуганно уставился в одну точку, опустив глаза вниз. Один из полицейских, после того как взял бокал, демонстративно уронил его на пол. Бокал разбился, и Ричард, не зная, что делать дальше, застыл на месте как вкопанный.

– Вытри, – грубо сказал патрульный, с улыбкой поглядывая на напарника.

Бармен ушёл и через секунду вернулся с веником, совком и тряпкой. Он смёл осколки в совок и встал на колени, чтобы вытереть пиво, затёкшее под стол.

– Заодно протри мне сапоги, – полицейский, немного привстав, сильно наступил на руку Ричарду, послышался хруст, от которого Шона немного передёрнуло, и патрульные дико захотали. Бармен дрожащей рукой вытер мокрый пол и, едва дотронувшись тряпкой до ботинка, услышал крик полицейского:

– Ты что, собираешься этой же тряпкой вытирать мне обувь?

– Тупой отброс, – сказал второй полицейский и пнул Ричарда по рёбрам, от чего бедняга подскочил и ударился головой об стол. Вытащив свой носовой платок из кармана, бармен протёр ботинки патрульного и, выползая из-под стола на четвереньках, ощутил на своей голове холодную струю пива.

– Это пойло годится только для отбросов, таких, как вы. Принеси что-нибудь стоящее, – сквозь смех сказал полицейский, и Рич, опустив голову, пошёл к барной стойке.

– У меня сложилось такое впечатление, что вы не рады нашему визиту, – прохрипел второй патрульный. Он был намного старше первого. Три белые полосы на правой стороне его тёмно-зелёного кителя говорили о том, что он был выше по званию. Ему никто не ответил, и даже никто не осмеливался посмотреть в сторону новых посетителей.

– Так кто из вас, долбаные отбросы, назвал совершенных ублюдками, а? – спросил молодой полицейский, достав складной нож. Чёрное лезвие со щелчком вылезло из рукоятки. Он немного покрутил нож в руке и что есть сил воткнул в ногу рядом сидящему Шоно. Тот взвыл от боли, схватил руку патрульного и попытался вытащить нож, но полицейский крепко держал рукоять. Здоровяк резко вскочил, так, что чуть не перевернул стол, патрульный постарше мигом выхватил пистолет, направив его в сторону присутствующих. Эл послушно сел на место.

– Теперь давайте побеседуем в спокойной обстановке, – сказал полицейский, всё ещё держа нож в ноге Шоно. – После ядерной войны мы дали вам убежище, дали вам дом. И чем вы недовольны, разрешите полюбопытствовать?

– Пожалуйста, вызовите ему врача, – попросил Крис, указывая на своего истекающего кровью друга, но полицейский начал шевелить рукоять ножа, причиняя скулящему Шону нестерпимую боль.

– Отвечай на вопрос, мразь, – прокричал патрульный, глядя на Криса. – Билл, выстрели ему в...

Не успел он договорить, как Билл, быстро выхватив пистолет, выстрелил. Пуля, пролетев в нескольких сантиметрах от головы Криса, врезалась в стеклянную фигурку шута, который разлетелся на куски.

– Блин! Почти получилось, – сказал Билл и досадно хлопнул ладонью по столу. – Хочу научиться стрелять как в вестернах, – добавил он.

– Всем постам! Отправляйтесь в «Красоту будущего». Незаконное проникновение, – прокричала рация на поясе у молодого полицейского.

– Дэвид, убавь звук. Такое уже бывало. Ничего страшного. Раньше справлялись без нас, справятся и сегодня, – спокойно сказал Билл своему напарнику, и тот выключил рацию.

– Вы все должны благодарить Новую расу за то, что они позволили вам жить, – сказал Дэвид, окинув взглядом посетителей. И то ли несколько литров пива, то ли чувство собственного достоинства придали смелости Крису, но он, грозно сведя брови, сказал:

– Вы сделали нас рабами.

– Война меняет многое, сами понимаете. Конечно, это жестоко, это ужасно, но, честно говоря, нам это нравится. Помимо этого, всем известно, что вы не хотели работать до войны. Не хотите работать и сейчас. Никто не виноват в том, что у вас не было денег на укол «Новой жизни», – проговорил Билл с какой-то умиротворённостью. Шон потерял сознание и громко ударился головой об стол, от чего напарники засмеялись. Дэвид наконец вытащил окровавленный нож и положил его рядом с головой лежащего. В это время его напарник наводил на каждого из присутствующих пистолет и щёлкал языком, изображая выстрел.

– Эта инъекция не даёт вам право так обращаться с нами! Почему мы не имеем своего слова в телепередаче «За и против»? – спросил дрожащим голосом Крис.

– Эй, где эта старая жаба? Какой-то тут ненавязчивый сервис. Ты несёшь нам выпить или нет? – громко спросил Билл, пригладив двумя пальцами свои усы.

– Да что с них взять, отбросы. А тебе я скажу, – обратился полицейский к Крису, снимая свою тёмно-зелёную фуражку и кладя её на стол, – что люди, себя уважающие, никогда не позволят, чтобы с ними так обращались. Я повторю слова своего коллеги: вы сами виноваты. Вы даже не можете постоять за себя и, готов поспорить, никогда не придёте друг к другу на помощь, потому что кишка тонка, – сказал Дэвид и с презрением окинул взглядом всех несовершенных. – Неси нам выпить, сукин ты сын, – крикнул он в сторону барной стойки, снял свою фуражку, бережно положив её на стол. Заметив пятна от пальцев на козырьке, полицейский схватил салфетку и начал судорожно протирать кусок глянцевого пластика. Затем, аккуратно держа головной убор ладонями по бокам, надел обратно.

Крис, сидящий за баром, оглянулся и увидел Ричарда, который стоял за стойкой на коленях и дрожащими руками засовывал патроны в барабан револьвера. От испуга Крис протрезвел и начал покрываться потом, но старался не подавать виду. Он прокрутил в голове ужасающие дальнейшие действия. Крис знал, что если Рич убьёт их и даже если им удастся избавиться от тел, в Доме Власти будут пытаться многих несовершенных и в итоге докопаются до правды, но остановить бармена даже не попытался.

– Что он там делает? – спросил Билл у него. Не дожидаясь ответа, он встал и швырнул бокал в сторону бара, где сидел Ричард. Бокал разлетелся на множество сверкающих осколков, которые сбили несколько стеклянных фигурок с полки. Билл направился к барной стойке. Крис упал на пол, прямо на осколки, и закрыл голову руками. Неожиданно уверенно идущего полицейского остановили несколько пуль, которые Ричард успел зарядить, и пока смертельно

раненый Билл медленно опускался на пол, его напарник палил в ответ. Вся толпа ринулась к Дэвиду, сбив его с ног прежде, чем тот успел повернуться. Его фуражка, слетев с головы, приземлилась около выхода из бара. Здоровяк втоптывал его голову своей огромной ногой и остановился, лишь когда проломил полицейскому череп. Крис судорожно поднялся с пола, подошёл к безжизненно сидящему Ричарду возле двери туалета и ладонью закрыл ему глаза.

Шон пришёл в себя, и перед ним предстала жуткая картина. Он снова потерял сознание, но больше так и не очнулся. Его кровь, вытекающая из-под стола, медленно и плавно сливалась с кровью мёртвого Дэвида. К тому времени уже должна была вернуться с работы Бри – жена Ричарда, но её всё не было. Мужчины отмыли пол и завернули тела в плёнку. Выйдя на улицу, несовершеннолетние увидели под куполом ярко-красное облако, быстро опускающееся на город. Крис сделал глубокий вдох, после чего почувствовал себя нехорошо. Он почувствовал себя взбешённым. Его руки задрожали, зубы стиснулись и заскрипели от сильного трения, глаза налились кровью. Через несколько секунд все, кто вышел из бара, насмерть забили друг друга камнями и палками. Выжил лишь здоровяк Эл, который к рассвету застыл словно статуя, отражая утренний свет своим телом из красного металла.

Глава 1

2075 год

Басы загрохотали, извергаясь из низкочастотных громкоговорителей. Такого рода оповещение было слышно абсолютно всем. На экранах в домах и на улице появилась надпись: «Обязательно к просмотру». Этот голос звучал в каждом доме, на каждой улице по воскресеньям.

– Жители Надежды, мы пережили многое. Ядерная катастрофа сделала за нас шаг в новый мир, подарив нам ресурсы, каких ещё не видел свет. Этот шаг сопровождался бессмысленным ужасающим истреблением, но всё кончено. Много страданий испытали наши сердца, и наши организмы подверглись множеству изменений. Затем опасный вирус «Красная смерть» уничтожал наш дом под куполом изнутри. «Красная смерть» являлась разрушением того единственного небольшого клочка от целого земного шара, оставшегося после катастрофы. Но отныне хватит рисковать нашими жизнями, и поэтому я создала Мораль – новую руку закона, чья основная задача – защищать народ, – вещала Айрис Гринн, женщина лет сорока пяти с лицом хладнокровного уверенного в себе человека. Она изредка улыбалась и манила к экранам своим голосом. – Мы почти победили. Сейчас главное, чтобы в наших стремлениях избавить мир от войн и распрей не зародился новый конфликт. Как ни печально, но всё же очень редко ещё случаются вспышки «Красной смерти». Будьте бдительны и сообщайте сразу об инфекции, будь это ваш родственник, вы сами или совершенно незнакомый человек. Вы должны беречь себя, беречь других. Мы почти справились с этим вирусом, унёсшим много жизней, и теперь, когда, казалось, все беды позади, с новой силой разразилась новая проблема. Наркотики. Они порождают преступления, ломают судьбы людей, – сказала Айрис и глубоко вздохнула. Большинство жителей Надежды сейчас с трепетом смотрели на неё.

Гринн опустила глаза, затем снова посмотрела в камеру. Последовало секундное колебание, после чего она улыбнулась и продолжила:

– Самое дорогое у человека – это жизнь. Не совершайте ошибки, которые уже во многом нас ограничили. И когда ваши стойкость, терпеливость и внимательность принесут результат, мир станет идеальным, – закончила свою утреннюю речь Айрис Гринн.

От экрана было невозможно оторваться. Эта женщина гипнотизировала своим взглядом. Её голос нежно гладил слух, вонзался в мозг, оставаясь в памяти, и в то же время дарил надежду на лучшие времена. Речь каждый раз немного отличалась от предыдущей, но смысл был один и тот же – только вместе люди могут сохранить эту оставшуюся часть планеты, пригодную для жизни. Город действовал, жил, и Гринн единолично правила им. Она радовалась, окидывая его взглядом, сидя перед монитором. По всему периметру специально оборудованной крыши Острова многочисленные дроны взлетали и приземлялись, постоянно патрулируя Надежду.

* * *

День сменился беззвёздной ночью. Эдди нервничал, поправлял свою длинную чёлку и играл в карты с младшим братом Дэнни, который постоянно выигрывал. Тихо звучал телевизор, принимающий лишь один центральный канал, по которому сутки напролёт шла правительственная передача «За и против».

– В Надежде из-за загрязнения водных ресурсов человечество столкнулось с проблемой нехватки пресной воды. Текущая засуха на поверхности тоже даёт о себе знать. Очищенной дождевой воды очень не хватает. Острый дефицит питьевой воды испытывает половина

выжившего после ядерной катастрофы населения. Каждый год публикуется доклад, который представляет точное описание состояния пресноводных ресурсов, результаты которого неутешительны. Надежда находится на грани водной катастрофы. Но я поспешу обрадовать вас, дорогие друзья, – Налетти немного развёл руки в стороны, и зрители в зале разразились оглушительными аплодисментами. – Вода являлась единственной жидкостью, которая действительно утоляет жажду. Мы предлагаем инъекции, которые по своей структуре напоминают межклеточную жидкость организма. Лёгкая с точки зрения усвоения, отлично проникающая в организм инъекция Джусс – это дорога в будущее, проложенная первоклассными учёными-специалистами. Никаких побочных действий. Попадая в организм, Джусс активно включается в работу и участвует в процессе переноса питательных веществ, заряжает организм энергией и здоровьем. Над производством Джусс работала сама Айрис Гринн.

– Достала уже эта Айрис, – сказал Эдди и пнул телевизор, стоявший на журнальном столике. Столик откатился, от чего шнур натянулся, выдернулся из розетки, и на некоторое время наступила полная тишина, нарушаемая лишь шлепками пластиковых карт друг о друга.

– Ха! Ты когда-нибудь научишься играть? – засмеялся Дэнни, выложив на стол последнюю карту из своих рук. Он ладонями пригладил свои длинные, достающие до худощавых плеч тёмные волнистые волосы назад. – Не расстраивайся, когда-нибудь ты должен выиграть, нельзя же всегда проёбываться, – широко улыбаясь, добавил он, демонстрируя белые зубы.

– Я уверен, ты опять применяешь свои штучки, – не совсем уверенно произнёс нахмуренный Эдди. Он правой рукой собирал карты со стола, придерживая указательным пальцем чёлку, чтобы она не закрывала левый глаз.

– Может, тебе твои волосы мешают сосредоточиться? – пошутил Дэнни. Его выразительные холодно-синие глаза заискрились. – Я никогда не использовал свои штучки, играя с тобой. Давай отстригу тебе чёлку?

– Я сейчас тебе яйца отстригу, – пригрозил Эд и швырнул колоду брату в лицо. Дэнни слегка оторвал ладонь от стола, заставив колоду остановиться в воздухе возле своего лба, и, перебирая пальцами, вернул её на место – в дешёвую пластиковую тумбочку, стоящую у старого перекошенного из-за сломанной ножки дивана.

Эдвард начал медленно водить указательным пальцем по своему шраму на шее, тянущемуся от уха до уха. Он получил его два года назад. Один из отсидевших в тюрьме совершенных посмел усомниться в его авторитете, за что был выгнан из банды. Он вернулся ночью, когда Эдвард был пьян, подошёл сзади, схватил парня за длинную чёлку и перерезал ему горло. Дэнни вовремя подоспел, обработав рану чудо-спреем. Бунтовщика раздели догола и повесили в парке на столбе. На груди вырезали ножом две большие буквы «Б». Письмо, висевшее на гвозде, который, в свою очередь, был забит прямо в висок, содержало следующие слова: «Совсем скоро каждый из зажавшихся своей властью, каждый, кто осмелился превознести себя выше остальных, познает нашу кару, как этот человек». Письмо, вполне очевидно для всех, предназначалось для Новой расы и для тех, кто им прислуживал. Эта выходка заставила всполошиться всех полицейских, и в особенности Айрис Гринн, обещавшую народу безопасность в своих воскресных речах. Их беспокоило и в то же время удивляло, как отморозки смогли повесить человека в центральном парке без свидетелей, без записи, запечатлевшей это зверство, и даже дроны с Острова, патрулирующие всю Надежду, не забили тревогу.

Братья сидели в отеле банды на верхнем этаже в ожидании так называемого подарка, который должен был с минуты на минуту привезти Джаред. Зазвонил старый разбитый мобильник Эдварда.

– Эд, мы будем через пять минут, у вас там всё нормально? – спросил Джаред, тяжело дыша в трубку.

– Всё нормально, – невнятно произнёс Эдди, который всё ещё ловил тяжёлые отходняки после вчерашнего дня. Своё самочувствие он легко исправил дозой зелёного порошка. Вдохнув

его, настрой принял повседневное состояние. В трубке раздался женский крик, заглушенный звуком удара, от чего член в штанах Эдварда подал признаки жизни. Он заулыбался и нежно пальцами прикоснулся к своей чёлке.

– Молчи, пока я тебя не зарезал, сука чёртова! – крикнул Джаред.

– Только мы с братом будем первыми, – сказал Эд и положил телефон, не дожидаясь ответа.

– Что? День перестаёт быть скучным? – довольным голосом спросил Дэнни, потирая ладони.

– Что-то типа того. Скоро начнётся фестиваль красок, – ответил Эд, на что Дэнни искренне, словно ребёнок, рассмеялся.

Вскоре за дверью послышались женские крики, и Эдди поспешил открыть дверь. Джаред вёл девушку, заломив ей руку за спину. Другой рукой он держал её за волосы. Она кричала, но на помощь ей никто не спешил. На этом этаже почти каждый день подобными развлечениями занималась элита банды. Парень отпустил её руку и волосы, одновременно толкнув вперёд. Тут же образовался круг из трёх диких зверей, похотливо осматривающих свою добычу. Девушка была высокая, с мягкими чертами лица, густыми светлыми волосами выше плеч. Короткая синяя юбочка, не сильно прикрывающая стройные красивые ноги, на которых уже были видны синяки, разошлась по шву, и синяя майка без рукавов была сильно растянута. Веки, подкрашенные синим цветом, усиливали приятное впечатление от больших голубых глаз. Руки были полностью зататуированы геометрическими фигурами и различными формулами, а лицо выражало испуг. Парни закинулись хрусталём по три колеса каждый, и Дэнни, у которого слюна свисала с нижней губы, окинул помутневшим взглядом кольца и серёжки.

– Отдашь украшения позже, после того, как трахнем, – сказал Дэнни, трогая себя в области паха. Троица дико засмеялась.

– Подарим нашим фанаткам. Давно их не радовали, – с сожалением в голосе промычал Джаред.

– Мальчики, не надо, – взмолилась девушка.

– Не надо, но очень хочется, – после слова «но» Эдвард облизал свои губы.

Достав нож, Дэнни провёл им по шее, затем по щеке девушки, затем, быстро убрав, ударил кулаком по лицу. Она вскрикнула и обвела взглядом парней, ища сочувствия и поддержки, но им доставляло удовольствие мучить таких красивых девушек Новой расы. Троица встала вокруг неё. Эд засунул руку ей под юбку, резко сорвав трусики, и толкнул к Дэнни. Тот, намотав её волосы на кулак, резко дёрнул её голову вниз и сломал ей нос ударом об колено, затем толкнул её к Джареду. Девушка застонала от боли. Кровь из носа била фонтаном, и лица парней сияли в улыбке. Джаред подвёл девушку к кровати. Она покорно сняла майку, затем, пошатываясь, неуверенно сняла юбку.

– Ты девственница? – прорычал Эдди.

– Чё, дурак? – подметил Дэнни.

Она молча помотала головой из стороны в сторону, и он ударил её в живот. Упав на кровать, она жадно хватала губами воздух из-за сбитого дыхания. Кровь из носа затекала ей в рот. Эд расстегнул брюки и лёг на девушку, доставляя ей боль, а себе удовольствие. Он жадно целовал ей шею. Она мычала и отворачивалась от поцелуев. После того как Эд выпустил в девушку своё семя, за ним прошли все остальные. Затем Дэнни связал девушке руки, и парни приняли ещё по одному хрустало.

– Вытрись! – швырнув в девушку полотенцем, приказал Дэнни.

– Он вернёт деньги, Том вернёт деньги, только отпустите, – не то повизгивая, не то хныкая, произнесла девушка. Измученное тело дрожало, но она неуверенно перевернулась на четвереньки, пытаясь уползти.

– Конечно, вернёт. Мы делаем это не из-за денег. Не без помощи твоего Тома, вечно сующего свой нос в чужие дела, в тюрьму сел наш близкий. Может, мы и жениха твоего изнасилуем? – спросил Эд, подняв её голову за волосы. Толпа снова дико захохотала. Парни положили мученицу на узкую кровать животом вниз и привязали руки к изголовью, а расставленные ноги – к ножкам кровати, затем Эдди достал шприц с «Красной смертью» и ввёл всё до миллилитра ей в ягодицу. Девушка с выбитыми зубами жутко затрясла конечностями, а потом в приступе ярости начала извиваться.

– Это был последний? – спросил Джаред, указывая на пустой шприц.

– Нет, ещё два осталось, и больше их на всём белом свете не сыщешь! – ответил Эдвард. – Столько лет прошло с тех пор, как я украл несколько штук.

– Ладно, вот, держи, – Джаред протянул деньги Дэнни, прищёлкнув языком от досады. Тот освободил свои ноги от спущенных штанов и положил их в карман своей куртки, висящей на крючке возле двери. Девушка обмочилась.

– Это сквиртинг? Или она обоссалась? – пошутил Джаред и вместе с Дэнни упёрся коленом ей в поясицу.

– Держите? – спросил Эд, вновь вскарабкавшись на девушку. Когда он замедлился, Дэнни взял нож и воткнул девушке в бок, после чего с удовлетворением смотрел, как она умирала.

– Ох, самые клёвые ощущения – когда они так сильно сопротивляются, – тяжело дыша, пробормотал Эд и встал с неё, засунув нож поглубже, по самую рукоять.

– Ну что? Завтра идём на вечеринку? – потирая руки, как ни в чём не бывало спросил Дэнни.

– Конечно, идём. Завтра мне нужно встретиться с Томом. Этот козёл всё ещё должен нам денег, а потом можно и на вечеринку, – промычал уставший, но довольный Джаред, и в тот же миг слюна с его нижней губы сорвалась и упала на пол.

– Только не злоупотребляй порошочком и не будь один. Сам знаешь, в одиночку погнать можно, так что осторожничай, брат, – сказал Эдвард, отмывая руки от крови в раковине, полной грязной посуды.

– Пойду скажу фанаткам, чтобы убрались, – буркнул Джаред и вышел из комнаты.

* * *

Неподалёку от дома Лео на Кедровой улице располагалось заведение, которое на первый взгляд казалось ничем не примечательной закуской для несовершеннолетних. Дешёвая забегаловка занимала одну треть первого этажа небольшого отеля, принадлежавшего бандам. Давным-давно это место, возможно, и производило впечатление, но сейчас это было мрачное, с отвратным запахом помещение. Тут, по словам Тома, продавал наркотики его старый знакомый, и купить тут наркоту проще простого, если ты, конечно, свой парень. Доверять такому торчку, как Томми, было глупо, он всегда тёрся с членами банды, влипал в такие жуткие истории, что чудом оставался жив, но другого места достать сейчас наркотики Лео не знал. Мораль после предотвращения распространения «Красной смерти» взялась за наркодилеров и за короткий срок пересажала всех барыг в городе. Пару раз сюда приезжал полицейский, но он, скорее, смотрит не за порядком, а в бутылку и в свой карман. Его щедро снабжали, и лишних вопросов не возникало.

Лео почувствовал тяжесть в желудке, противный отходняк после аптечного эфомелона. Если наркоту купить негде, то выбирать не приходится. Эфомелон, служивший средством против укачивания, был очень дешёвым из-за его неактуальности в нынешнем мире. При колоссально выпитом количестве он, наряду с преобладающим числом неприятных ощущений, типа сильной сухости во рту, нарастающего чувства страха, вызывал помутнение рассудка, в связи с чем употреблять что-то другое уже не хотелось. И в этом был весь этот сомнительный кайф.

Лео не считает себя законченным наркоманом, хотя им и является. Он объясняет свою потребность в запрещённых веществах тем, что любит экспериментировать над своим сознанием, пытаюсь расширить его границы рационального.

Полумрак заведения с мерцающими на стенах гирляндами лихорадочно приветствовал своей угнетающей атмосферой. По словам бармена, бар был ещё не совсем полон, но, как показалось Лео, бешеного ажиотажа это место не вызывало никогда. Он сидел за барной стойкой перед своим наполненным до краёв стаканом коктейлем ярко-жёлтого цвета и думал, что же такого намешано в этом напитке, что пузырьки не стремятся вверх, а неподвижно остаются в стакане. На лбу уже выступил пот, пальцы, мышцы лица начали подёргиваться, и парень обеспокоенно посматривал по сторонам, разыскивая Томми, который должен был уже давно появиться. Он якобы был лично знаком с этим легендарным барыгой, о котором Лео, никогда не упускавший возможности побаловать себя наркотой, никогда не слышал и подумал: «Что если он не захочет иметь со мной дела? Подумает, что я стукач, или сразу пристрелит? Том рассказывал, что он тот ещё отморозок». Лео залпом выпил коктейль и заказал ещё один. Он знал, что рискует, он рисковал и прежде, но без риска жизнь казалась ему скучной и бессмысленной. Молодой человек с чёрными мешками под глазами и в рваном трико, улыбаясь, демонстрировал своей спутнице щель промеж передних зубов. Когда дама в комбинезоне на пару размеров больше, чем надо, начала смеяться над шуткой своего непрезентабельного вида дружка, бармен сделал телевизор погромче.

– Доблестная Мораль обезвредила группу инфицированных, которые набросились на женщину и её сына и попытались съесть их живьём. Люди, пытавшиеся оттащить заражённых, также получили множественные, но не смертельные укусы. Нарушители и пострадавшие находятся в изолированной зоне. Внезапная причина заражения расследуется специалистами, – быстро проговорил перепуганный репортёр.

Вдруг Лео услышал щелчок и почувствовал холодный ствол пистолета на своей шее.

– Встал и пошёл со мной. Босс хочет с тобой поговорить. Или пристрелю тебя прямо здесь, – смазанно и невнятно сказал молодой человек в новом спортивном костюме.

Лео медленно повернулся. Ему на миг показалось, что парень блефует, однако агрессивный вид хорошо сложенного бандита заставил в этом усомниться. Также от внимания парня не ускользнуло, что кулаки бугая украшали свежие ссадины. Он послушно встал и направился к лифту за баром. Люди вокруг уставились на них, но никто ничего не предпринимал. Не было особой необходимости отвлекать или мешать персоналу отеля, который делает им огромное одолжение. Какой наркоман будет жаловаться на единственный в городе магазин наркоты? Охранник убрал ствол в кобуру, когда они оба оказались в просторном, исписанном бесщётным количеством имён лифте, в котором воняло мочой. Дверцы со скрипом съехались и через несколько секунд разъехались, показав длинный, мрачно разрисованный в чёрно-белом цвете коридор, холодно тянувшийся к двум дверям в самом конце. За одной дверью пожарная лестница, за другой – тот самый легендарный барыга Джаред из Банды Братьев.

Худой, светловолосый, с резким внимательным взглядом парень лет двадцати двух сидел боком в большом кожаном коричневом кресле перед дорогим столом из настоящего дерева, на котором красовалась куча зелёного порошка. Он курил, судя по коричневому фильтру, дешёвые сигареты. Джаред сильно и глубоко затягивался, выпячивая глаза. Лео подумал, что «легендарный», как выразился Том, слишком громкая характеристика для этого доходяги. Его отливающий золотом пиджак сливался с жирными не мытыми много дней волосами. Казалось, тонкая шея Джареда сгибалась под тяжестью головы, и в профиль он напоминал стервятника, склонившегося над падалью. В руке у него был двуствольный револьвер, который очень понравился парню. К тому же Лео безумно сильно захотелось подойти к столу, погрузить своё лицо в горку порошка и мощно вдохнуть его.

Джаред жестом пригласил Лео к разговору, и они обменялись крепким рукопожатием. Охранник немного постоял, видимо, убедившись, что Лео не представляет угрозы, и ушёл, закрыв за собой дверь. Парню сразу бросилась в глаза неуклюже нацарапанная фраза на двери: «Киллиан, ты не умер». Лео попытался догадаться, о чём думает этот отморозок, но это лицо с выжженным на глазах прошлым не выражало никаких эмоций.

– Ты пришёл убить меня вместе со своим другом. Согласен, что причина веская. Я изнасиловал и убил его невесту вместе со своими приятелями... и это не единственный мой бесчеловечный поступок, за который я заслуживаю смерти. Но вы попёрли против Банды Братьев, и это очень зря, дружок. Знаешь, – мечтательно запрокинул голову Джаред, – сначала я хотел отрубить ему ногу. Так поступали со стукачами по старинке. Но потом решил, что он и как стукач непутёвый, ведь никого так и не посадили. Поэтому решил просто завалить козла.

– Мы, в общем-то, ничего такого не планировали, – спокойно сказал Лео.

– Заткнись! – прокричал Джаред. Его голова нервно затряслась на тонкой шее, и, казалось, сейчас оторвётся и рухнет, особенно после сильного удара ладонью по столу. Облачко порошка немного поднялось, и Джаред успел вдохнуть его частички носом, после чего его голова перестала дёргаться. Зелёная тучка опустилась, покрыв весь стол. – Видимо, он хотел рассказать тебе всё здесь, на месте, но, увы, не успел, – залился он тонким визгливым смехом, широко открыв рот. Оттопырив мизинец с длинным ногтем, Джаред указал на лежащее безголовое тело возле шкафа и впервые посмотрел на Лео острым, внимательным взглядом. По красным татуировкам на руках Лео понял, что это Том. Целый набор разнообразных чувств успел отразиться на его лице за очень короткий промежуток времени, но теперь он знал точно, что не выйдет отсюда живым. Лео сильно прижал своей тощей рукой руку Джареда к столу, в то время как второй взял горсть порошка и швырнул ему прямо в лицо. Джаред оттолкнулся ногой от стола и в кресле откатился назад, начав тереть глаза.

– Джеймс, Джеймс! – беспомощно кричал он, не убирая руки от глаз. Лео наставил пистолет ему в лицо. Щёлк! Щёлк! На третий раз выстрел – и бежевая стена за Джаредом дополнилась красным с кусочками черепа и мозгов. Тоненькая струйка крови брызнула на щеку Лео. Безголовое тело стервятника, отброшенное выстрелом, ударилось о замызанную стену, оттолкнулось от неё и всей своей тяжестью повалилось на пол.

Лео нужно было бежать из этого места, но он резко остановился перед дверью, затем вернулся, собрав деньги и расфасованный порошок в брезентовую сумку. Занюхав заветную дозу со стола, именно так, как хотел, парень увидел пакет с прозрачными таблетками, лежащий на полке над креслом. Лео небрежно запихнул его в ту же сумку. Не забыл взять с собой и двустольный двухбарабанный револьвер с серебряными вставками в виде двух больших букв «Б» на рукояти. Он оттащил тело в уборную и пиджаком убитого вытер кровь с пола. Найденным полотенцем вытер свои отпечатки, чтобы скрыть всякие возможные следы своего присутствия, и направился к двери. Камер наблюдения здесь вроде как не было. Сердце бешено колотилось, но тошнота и тяжесть в желудке, как ни странно, прошли. Зелёный порошок быстро подействовал должным образом, придав парню сил. Ноги несли его прочь, не мешала даже тяжёлая сумка.

Лео открыл дверь, и в комнату ворвался ветер. В конце коридора показалась группа из четырёх вооружённых человек. Лео ринулся к пожарной лестнице. Пролетевшая над головой пуля врезалась в дверной косяк, напугав парня. Нужно было скорее спуститься к оживлённым кварталам Надежды. Главное – не столкнуться с бандой у входа. Можно было достать пистолет, но ведь ему никогда не приходилось раньше спускать курок, за исключением случая, произошедшего пару минут назад. Он бежал дальше вниз по ступенькам, держась рукой за перила. Вдруг на третьем этаже дверь резко открылась, и выбежавшая девушка, подпрыгнув, ударила коленом ему прямо в лицо, затем накинута на Лео, как хищник на свою добычу. Лео крепко схватил её за волосы. Они, вцепившись друг в друга, покатались вниз по лестнице, пока стена

не остановила их. Лео, оказавшись сверху, быстро поднялся на ноги и приложил её сумкой со всего размаху. Она, распластавшись на лестничной площадке, лежала неподвижно. Кровь обильно капала из его носа. Откуда-то сверху послышался пугающе суровый мужской бас:

– Вы двое, наверх, а мы вниз. Быстрее!

На первом этаже с грохотом открылась дверь, и задрожали перила. Люди Джареда поднимались по лестнице, а Леонард бежал в конец коридора на втором этаже к окну, в которое он изо всех сил швырнул сумку. Спортивная сумка благополучно оказалась на пожарной лестнице. Лео прыгнул вслед за ней, порезав руку о торчащее стекло. Пробежав по площадке вдоль дома и завернув за угол, он неожиданно замер на самом краю обрыва высотой в метров пять. Лестницы не было. Недолго думая, Леонард бросил вниз сумку и сам прыгнул. Он перебежал дорогу, оказавшись в соседнем дворе. «Ещё немного – и я дома. Во что я влип? Они знают, как я выгляжу, и скоро найдут меня. Нельзя идти домой, нужно идти к Эффи», – пронеслось в голове Лео. Сердце перестало бешено колотиться. Усталость сжимала его как тисками. Нужна была новая доза.

* * *

Мрачные, унылые улицы молодого города с многообещающим названием Надежда постепенно заполнялись людьми. Многоэтажные дома были однообразными, и все как один выкрашены в коралловый цвет. Это был район для совершенных. Низко плыли тучи-голограммы, обильно налившиеся свинцом. На сегодняшний день была запрограммирована пасмурная погода. Даже когда светило солнце и небо было голубым, всё равно город оставался таким же серым и унылым.

Брюнетка с зелёными глазами в белом кружевном белье сидела на широком подоконнике в своей престижной квартире в плотно заселённом, имеющем высокий рейтинг районе и, обложившись подушками, смотрела вниз. Её мучила головная боль после вчерашних посиделок. Окно было открыто, и тёплый ветер ласкал её шелковистые волосы. Со злостью нажимая клавиши на своём телефоне, она пыталась дозвониться до Лео, но он не отвечал.

«Он не любит меня. Сколько мы ещё будем вместе?» – думала Эффи. Головная боль всё ещё пульсировала где-то за ухом. Но в потоке всех этих мыслей она понимала, что расстаться с Леонардо было бы для неё ужаснее всего на свете. Она являлась особой, крайне зависимой от других людей. Ленивая и подверженная чужому влиянию, Эффи не могла представить свою жизнь без родителей и Лео.

Динамики телевизора разрывались, как будто зазывая к себе слушателя. Знакомый голос неумолкающего Адрианно Налетти болтал для своей аудитории:

– Дорогие телезрители, накануне праздника Дня Победы над «Красной смертью» вспомним всё то, через что мы прошли. Я расскажу вам всю правду. Если вас мучили какие-то вопросы по поводу «Красной смерти», то после этого выпуска их не останется. Будьте уверены в этом. И будьте очень внимательны. 2056 год... Лирий... Совершенные создают его в Надежде. Самая дорогая в мире жидкость. Его добавляют в косметику, тем самым поднимая стоимость продукта. Внешность улучшается настолько, насколько это вообще возможно. Удивительная косметика придавала лицу свежесть, лицо как будто озарялось ангельским светом, она прятала морщины, а при долгом использовании полностью удаляла все погрешности кожи. При взаимодействии с краской он излучал красивый неоновый свет. Новый вид косметики с содержанием полезного, ни с чем не сравнимого лирия пользуется огромным спросом. Привлекающая своим ароматом и консистенцией, удобная и простая в использовании, а главное, исполняющая своё основное предназначение – улучшение внешности, придание свежести и красоты лицу, телу и волосам, косметика LI для создания идеального макияжа стала мечтой каждой женщины в каждом доме. Женщины сходят с ума от витрин с новой косметикой и меняют свою

внешность до неузнаваемости. Они разукрашивают тело, рисуют длинные кошачьи стрелки на глазах, делают тату лирийной краской, красят ею волосы. Счастливые обладатели «волшебной» косметики без усталости демонстрируют друг другу светящиеся части тела. Самая успешная из фармацевтических компаний «Красота будущего» построила огромный завод, который был скорее похож на небольшой городок. Рабочие проживают и работают на фармацевтическом «монстре», за короткое время уничтожившем всех своих конкурентов. Завод набирает обороты, люди со всей Надежды приезжают с огромным желанием работать здесь. Расширяясь, «Красота будущего» требует всё больше и больше рабочих. Вновь прибывших, не имеющих опыта людей обучают прямо на месте. Но вскоре в рецептуру начинают добавлять вещества, которые не имеют отношения к уходу за внешним видом. Включение дополнительных веществ в состав обусловлено исключительно маркетинговыми соображениями. Возникла эпидемия рака кожи, но «Красота будущего» успешно скрыла это от чужих глаз, – сказал Адрианно и, закрыв глаза, покачал головой. Когда камера начала снимать его с другого ракурса, он медленно повернулся к ней, изображая разочарование. Налетти пригладил свои тёмные волосы и сделал глубокий вдох, словно пытаясь успокоить себя. Его глаза увлажнились. Публика зааплодировала, чтобы поддержать его. Они смотрели на него и слушали так, как будто боялись упустить малейшую деталь из его речей.

– Вот это актёрище, – хихикнула Эффи и посмотрела в крохотное зеркальце, всегда находившееся у неё под рукой. Оглядев свой макияж и бюст, она одобрительно кивнула, сделав губки бантиком. Сфотографировав себя, она отправила изображение своему опаздывающему парню и подписала: «Сейчас пойду прогуляться в таком виде. Может, кого и подцеплю!».

– Люди продолжают наносить косметику толстым слоем, ничего не подозревая о смертельной болезни. 2060 год. Несовершенный, у которого родственники погибли от рака, уничтожает завод. В результате взрыва лирий вместе с другими компонентами испаряется, и образовавшееся облако разносит по всей Надежде вирус, вызывающий мутацию. Перемещаясь по воздуху, вирус прикрепляется к тканям слизистой несовершенных, постепенно попадая непосредственно в клетки. После заражения человек сходит с ума, а затем полностью превращается в красный металл. Правительство окончательно теряет контроль над городом. Глава Надежды решает проблему самоубийством, пустив себе пулю в лоб прямо у себя в доме. Позже вирус получает название «Красная смерть». Для предотвращения последствий аварии прибывают специалисты, – Адрианно простёр руки вверх и запрокинул голову назад, на что публика ответила тем же жестом. – В первые дни основные усилия бросают на снижение губительных выбросов, чтобы не допустить ещё более серьёзных последствий. Вокруг завода возводят защитную стену, затем начинают работы по очистке и захоронению разрушенного объекта, но мир не может оправиться после катастрофы. Заражённые несомы набрасываются на людей, пытаясь сожрать заживо. Как показывает опыт, подобной обстановкой пользуется прежде всего преступный элемент, продавая оружие и наркотики. Зло вырывается из бедных кварталов и разрушает оставшийся клочок цивилизации, – Адрианно живо ходил по аудитории, активно жестикулируя, из-за чего пряди зачёсанных назад волос спадали ему на лоб, и он периодически заглаживал их рукой от лба к затылку. – Груды битого кирпича, громадные очереди в ещё работающие магазины, нехватка еды. Мир стал напоминать помойку, и чтобы сохранить его обитаемым для оставшегося населения, требовался человек, способный навести порядок, – сказал Адрианно, пальцем дотронулся до наушника и после незапланированной паузы продолжил: – Сегодня мы поговорим о нашей спасительнице, которая, увы, отказалась прийти к нам в студию. Не расстраивайтесь, ведь она в данный момент, как всегда, трудится над нашим благополучием. Появилась группа учёных во главе с необычайно талантливым химиком и прирождённым лидером по имени Айрис Гринн, которой не потребовалось много времени, чтобы добиться авторитета, – Адрианно повернулся к экрану, на котором начали появляться фотографии Айрис Гринн, и пригладил волосы назад. В руках она держала всевозможные награды и

грамоты. Затем многочисленные видео показывали Мораль за работой. Они скручивали, били заражённых, у которых не было ни малейшего шанса сопротивляться, и вкалывали им антидот. Все задержания проходили в грубой форме и максимально жёстко. Людей, полностью обращённых в металл, складывали в большие чёрные контейнеры. Их забирали вертолёты и транспортировали на Остров. Увидев, как красные статуи, которые когда-то были живыми людьми, штабелями лежат на полках, некоторые из присутствующих в аудитории начали тихонько всхлипывать. На лицах у несовершенных, застывших в предсмертных позах, хранился отпечаток страха, словно они в последний миг жизни снова обрели разум. Адрианно продолжил:

– Айрис Гринн выявила три стадии заболевания «Красной смертью». На первой стадии кости превращаются в металл. На второй стадии, продолжительность которой может варьироваться от нескольких минут до нескольких часов, наступают приступы сильной агрессии, которые сопровождаются тремором. Человек превращается в безумца, очень опасного для окружающих. На третьей стадии – полное превращение человека в металл, начиная с конечностей, за несколько минут. Именно под руководством Гринн построили лабораторию на острове для изготовления препарата, подавляющего «Красную смерть», и создали солдат, способных остановить беспорядок. Команда Айрис Гринн – Мораль – стала новой надеждой, новым лидером, новой властью. Солдаты Морали отлавливали заражённых, вкалывая им противоядие – таллий, останавливающий заражение на первой и второй стадиях, и завербовывали их в Мораль, которая через короткое время сумела погасить крупный конфликт. Бедняг, подвергшихся этой болезни, после введения лекарства помещали на Остров, где последующее распределение указывало, кто становится солдатом Морали, а кто будет работать на Острове в другой сфере. Беспредел, который унёс жизни сотни тысяч людей, закончился через пару месяцев. Таллий вызывает мгновенное привыкание, и не употреблять его больше четырёх часов невозможно. Его выдают солдатам лишь на Острове. Это служит гарантией того, что солдат вернётся. В противном случае боль пронзает всё тело, и полное обращение в металл неминуемо. Негодных для общества, заражённых ссылают на Остров. Что об этом думаете вы, дорогие зрители? – спросил Налетти и передал микрофон пожилому мужчине, желающему ответить.

– Здравствуйте! Я считаю, что Айрис Гринн даёт этим людям второй шанс. Вместо того чтобы истреблять их, она даёт им возможность служить нашему городу, ведь трансформация не обратима. Жаль только, что таллий лишь отсрочивает превращение, но я искренне надеюсь, что чудесная Айрис исправит это.

– А у меня сын служит в Морали, и я рада, что он остался жив, – взяла микрофон женщина. – Мне позвонили поздно ночью, – сказала она, безуспешно пытаясь сдержать слёзы. Подруга, сидящая рядом, обняла её, успокаивая. – Как сейчас помню. Мне сказали, что он убил много человек. Мне объяснили, что его рассудок затуманился из-за «Красной смерти» и это не его вина, но факт есть факт, и он считается теперь убийцей. Мне сказали, что единственный выход – подписать бумаги, тем самым оставляя его служить на Острове. И я подписала. Я больше никогда его не видела, но моё сердце греет мысль о том, что он жив и служит нашему обществу, а не сидит в тюрьме. Помню, один раз я увидела солдата очень близко. Я пыталась взглянуть в лицо под этим шлемом. Хотела увидеть сына, но ведь он меня не вспомнит.

– Да, я как раз хотел сказать, что вирус вызывает частичную амнезию, и, увы, таллий не исправляет это. Заражённый теряет способность обучаться, и через несколько дней он не будет помнить абсолютно ничего. Он станет неменяемым. Айрис Гринн заполняет его мозг исключительно новыми воспоминаниями, без малейшего сходства со старыми. В противном случае обращение в металл не заставит себя долго ждать. Когда старые воспоминания полностью выветрятся, заражённый станет доблестным солдатом Морали, – объяснил Налетти. – И даже спустя тринадцать лет Мораль отлавливает людей, подверженных приступам ярости, отправляет на Остров и завербовывает их в свою армию. Напоминаю, что людям, которые заблаговременно успели сообщить о новой вспышке вируса, вручается денежная награда и оказываются

всяческие привилегии, например, бесплатное образование для детей или талоны на еду. Новая власть Мораль с помощью многочисленных установленных камер видеонаблюдения взяла под контроль всю Надежду – последний жилой город на Земле. Айрис Гринн не только спасла нас, но и сделала нашу жизнь лучше, взявшись за искоренение банд, – закончил Адрианно Налетти, и публика разразилась аплодисментами. Один из мужчин хлопал так восторженно и сильно, словно выбивал из невидимого ковра пыль голыми руками.

Эффи подумала: «Каким образом Адрианно удавалось записывать одновременно несколько телепередач? Каждый день он появлялся перед телезрителями, говорил без умолку. Налетти никогда не выглядел уставшим, никогда не запаздывал с остроумным ответом, его реплики всегда были как будто заранее отрепетированные».

Раздался звонок в дверь. Девушка побежала, чтобы открыть, и остановилась у зеркала в коридоре. Поправив волосы, Эффи медленно повернула щеколду и приоткрыла дверь. Лео стоял весь мокрый. В капюшоне и с лейкопластырем на носу он был похож скорее на отброс, чем на совершенного из богатой и интеллигентной семьи. Девушка воздержалась от комментариев на эту тему.

– Я вижу, ты ждала меня, спрячь это куда-нибудь, – сказал Лео, резко открыв дверь нараспашку, и поставил на пол тяжёлую красную сумку.

– Ты опоздал! Я ждала тебя два часа. Надеюсь, ты принёс их? – возмутилась Эффи.

– Принёс. Не больше одной за раз – и тебя ждёт целая гамма новых ощущений, – пробормотал Лео, достав из кармана маленький пакетик. В нём были две прозрачные круглые таблетки прямо в белом порошке, щепотку которого Лео насыпал на головку члена. Таблетки хрусталь обладают сильным возбуждающим действием и сильным сексуальным раскрепощением, повышают тонус организма, увеличивают выносливость и вызывают лёгкую агрессию. Под таким наркотическим опьянением совершено немало преступлений насильственного характера, вследствие чего он запрещён.

Волосы разметались по розовой простыне, голова закружилась. Что бы ни сделал Лео, был груб или нежен, прижимал к себе или кричал на неё, стуча кулаком по стене, она любила его и не смогла бы ступить без него и шагу. От возбуждения сердце бешено колотилось. Эффи жарко задыхалась. Низ живота блаженно затрепетал, Лео положил руку ей на грудь, чувствуя пальцами затвердевшие соски. Она думала только о нём, он думал только о ней. Во всём мире только Эффи и Лео. Под хрусталём все удовольствия казались запредельно сладкими. Чувства были настоящими, и секс был такой же страстный, чувственный, как и всегда.

Эффи была типичным примером бунтующего подростка, часто тайком убегала от родителей в клубы и на вечеринки. Красива, популярна, обладает изысканными манерами и умением стильно одеваться. Типичная представительница молодёжи в это время, привыкшая мечтать о лучшем будущем, не понимая, что имеет сейчас. Глупая дорогая кукла с вечно капризно надутыми губами и бестолково хлопающими ресницами. Её мало что интересует, кроме наркотиков, вечеринок и, конечно, Лео. Эта девушка воспринимает внимание людей как должное, потому что с детских лет привыкла к особому отношению к себе. Год назад она ушла из дома по своей воле из-за родителей, хотевших оторвать дочь от человека, который, как им думалось, состоял в банде отморожков. На самом деле Лео никогда не хотел стать членом банды. Для этого он был слишком труслив. Его поведение можно объяснить тем, в каком мире сейчас живут люди. В мире насилия есть два выхода. Лео выбрал стать никем. Жить в своё удовольствие. Мальчик, лишённый детства, не чувствует ответственности за свой дом.

Отец Эффи занимается недвижимостью, а мама была директором швейной фабрики. Они прожили в браке двадцать два года. Говорят, что со временем чувства остывают, но это не про них. Мистер и миссис Андерсон – идеальная пара. Обсуждают каждую проблему, маленькую или большую, ведь в молчании скверные мысли плодятся, и даже самая маленькая проблема может стать катастрофой. Они создают впечатление пары, которая безгранично дове-

ряет друг другу, считая, что ревность для слабых и только сильный человек может полностью доверять другому. Без сомнения, они были правы. Глядя на них, можно убедиться в этом. И, конечно, занятые друг другом, своей карьерой, они отпустили свою уже взрослую дочь, осознав, что выбор она уже сделала, и купили ей маленькую квартиру в элитном районе. Ведь все счастливые люди великодушны. Эффи устроилась работать администратором в гостиницу недалеко от дома, и, кроме того, отец с матерью периодически подкидывали ей деньги.

Харизматичный, наглый и распутный Лео привык быть в центре внимания. Ему не так повезло с родителями, как Эффи. Он был ещё маленький, когда после постоянных скандалов и драк из семьи ушёл отец. Мама была совершенной, в отличие от отца, но так как Лео перенял преимущества Новой расы от матери, незаконное рождение сына удалось сохранить в тайне. Женаты они не были. Родители мальчика на протяжении нескольких лет сходились и расходились множество раз. Когда отец приходил, всё было хорошо, это была настоящая семья, и Лео был счастлив. Но через несколько дней опять крики, скандалы, слёзы. Отец возвращался к своим друзьям в бедный квартал. Он не мог жить без своих друзей-отморозков и разрывался между ними и семьёй. Он ушёл, потому что ему стала не нужна семья, которую он создал, и стал жить только для себя. Последующие годы пошли ему не на пользу. Отец понял, что надеялся. Пришло раскаяние, но вернуться он так и не попытался. Мать Лео, да и сам уже повзрослевший юноша после такого предательства не смогли простить его.

Когда отца посадили в тюрьму за убийство какого-то учителя, Лео пришёл к нему на свидание, где в специальной комнате они через стекло разговаривали по телефонной трубке. Свидание длилось всего пять минут, и после этого сын больше никогда не видел отца. Это было не первое заключение в неволе, но оно стало для него последним. Его звали Киллиан. Он бывал с сыном крайне редко, а после смерти и вовсе оставил его. У Киллиана было всё, о чём может мечтать любой другой мужчина, но он никогда не ценил того, что имел.

Мать недолго была одна. Через полгода вышла замуж за своего друга детства – совершенного. С отчимом Лео никогда не ладил, да и сам мистер Стоун не очень-то и старался наладить отношения. Мальчик очень скучал по отцу. Вниманием его обделяли и даже при живой матери, он вырос, как сирота, на улице, связался с плохой компанией, начал употреблять наркотики. Лео не всегда знал, когда нужно вовремя остановиться. Смелый, но всегда подвержен чужому влиянию. Его мать писала детективы, и у неё неплохо получалось. Книги разбирали, и семья Стоун могла ни в чём себе не отказывать. Отчим был безработным, но божественно умел играть на фортепиано. У Лео как будто появилась новая семья, забывшая напрочь о ребёнке. Мать Лео стыдилась своего прошлого, своего сына-полукровка, и жалела о том, что однажды связала свою жизнь с несовершеннолетним. Она мечтала родить дочь.

* * *

Вечер был пасмурным. Окутанный искусственным туманом, серый город просыпался в предвкушении великого праздника. Толпы молодых людей, раскрашенных красной краской, шли по улицам, изображая заражённых. Сегодня, первого июня, отмечали победу над «Красной смертью», в связи с чем вечером вся элитная молодёжь собиралась в клуб «Мечта».

Лео очнулся дома, сидя на унитазах, неестественно широко расставив ноги. Руки лежали на полу, голова находилась внизу. В таком положении он спал довольно долго. В желудке что-то неприятно царапало. В ежедневных новостях рассказывали, как один несовершеннолетний убил другого за канистру с водой и банку консервов. Робопомощник выгладил его одежду, и Лео, приведя себя в порядок, вдохнул дорожку зелёной совы. На губах принявшего дозу наркомана появилась довольная улыбка.

Некоторое время спустя он сел в новый серебристый двухместный кар, который взял у матери, и отправился к Эффи. По дороге он несколько раз заезжал в тупик, ведь такого

чистого порошка он ещё никогда не пробовал. Наконец он подъехал к подъезду и посигналил. Его безупречный образ совершенного подчёркивали белые туфли и белые идеально выглаженные брюки. Поверх чёрной футболки на шее висела тонкая цепь из белого золота. Короткая стрижка демонстрировала шрам на его затылке, оставленный ударом стула по голове из-за слишком длинного языка Эффи. Пластырь с носа он уже снял – помог чудо-спрей.

Для Лео ещё ни один поход в клуб не заканчивался без драки. За всю жизнь Лео дрался много раз и обычно проигрывал. Эффи, в свою очередь, всегда думала, что драка после вечера в клубе в порядке вещей. Она считает это скорее развлечением, а не чем-то опасным. Грациозной походкой девушка вышла из дома и не спеша направилась к машине. В коротком красном платье, открывающем гладкие ноги, с довольно смелым декольте, а значит, и бюстгальтер отсутствовал, в красных ботильонах, с огромным ожерельем на шее она выглядела шикарно. Она нарисовала длинные кошачьи стрелки на глазах, которые были в моде пятнадцать лет назад, и разукрасила шею с зоной декольте так, словно у неё перерезано горло. Лео жадным взглядом ощупывал фигуру девушки. Эффи ловко скользнула в машину на переднее сиденье, положила руку ему на колено и поцеловала в щёку. Вместе с ней в салон прокрался чудесный запах дорогого парфюма.

– Ладно, поехали, – промямлил Лео. Эффи, слегка прищурившись, посмотрела на него.

– Дай мне тоже, – капризным голосом сказала она. – Глаза тебя выдали.

– Просто немного чудо-спрея попало мне в глаза, – соврал парень.

– Ой, давай не будем! Доставай, – настояла Эффи и кулачком легонько стукнула Лео в плечо.

Лео судорожно достал из кармана серебристую коробочку, напоминающую портсигар, и отдал Эффи. Открыв, она достала маленькую ложечку, напоминающую крошечный половник, и, зачерпнув зелёный порошок, вдохнула сначала одной ноздрей, потом второй. В Надежде зелёная сова стоила дорого, и только мажоры могли позволить себе такую наркоту, но она стоила своих денег. Зелёная сова – это сплошное чувство эйфории и подъёма сил. Его применяют в основном для поднятия настроения и получения приятных эмоций, но при злоупотреблении возникает противоположный эффект.

Эффи не заметила, что Лео чем-то обеспокоен. Пока он крутил руль, вписываясь в знакомые повороты, она время от времени прижималась и проворно целовала его, а её дыхание, страстное и прерывистое, щекотало ему шею. Миновав улицы с коралловыми прямоугольными многоэтажками, взгляду предстали особняки во всей своей красе.

– Откуда у тебя это счастье? – спросила Эффи и откинулась назад.

– Я хочу тебе кое-что рассказать, – сказал, нервно кусая нижнюю губу, Лео. – Я должен был встретиться с Томом...

– Смотри, что она надела, – грубо перебила его Эффи, увидев свою давнюю знакомую, идущую по улице. – Николь! Дура! Это же прошлый сезон! Старьё! – крикнула она. Когда та оглянулась, Эффи указательным пальцем описала дугу вокруг виска.

– Посмотри лучше на свои стрелки, сучка, – крикнула в ответ Николь и показала ей средний палец. Лео не продолжил рассказывать историю, произошедшую сегодня утром. Парень боялся признать это, но врать себе не имело смысла. В последнее время он явственно ощущал, как между ними образовалась некая невидимая преграда. Его тревожило, что Эффи этого не видит и не понимает.

На возвышающемся возле кинотеатра билборде отображалась надпись: «Будь ответственным гражданином. Сообщи нам о преступной деятельности. Звони в Зал Справедливости и получи награду!». Анимированный судья в чёрном одеянии весело подмигивал.

Лео свернул за угол и увидел школу, в которой они с Эффи когда-то учились, а дальше открывался вид на главную с недавнего времени достопримечательность города – стоящего на холме солдата Морали в тяжёлой экипировке, сделанного полностью из настоящего красного

металла, который был взят из тех многих, кто погиб от вируса. Взгляд его был устремлён в небо, а туман не смог скрыть надпись внизу у его ног: «Они защитят». От статуи оставалось каких-то пять минут езды до грандиозной вечеринки в клубе. Четырнадцатый год подряд отмечали победу над «Красной смертью». Раскрашивая себя красной краской, люди изображали инфицированных. Лео припарковался возле клуба и ещё несколько минут ждал, пока Эффи подкрасит губы.

Глава 2

2060 год

– И снова на центральном телеканале передача «За и против». Сегодня мы поговорим о ферме «Создатель», – сказал Налетти. – Не так давно мы столкнулись со, в принципе, вполне ожидаемой проблемой. Как нам подсказывает опыт, человек – враг всего живого на земле. Технический прогресс нанёс непоправимый урон биологическому разнообразию Надежды. Почва стала сухой и негодной для выращивания растений. Спустя годы и так бедная растительность неумолимо исчезала. Зелёный мир нашего города, заблаговременно созданный до ядерной войны, превращался в сплошную пустыню из белого песка, местами такого мелкого, что поминает пепел. Совершенные пытались воссоздать растительность, но химические удобрения и инсектицидные препараты поставили под угрозу существование многих видов животных, которые стали природным резервуаром различных инфекций. В том числе и домашние. Они переносили возбудителей чумы, тифа, бешенства и многих других. Больные заражали болезнью своих сородичей и людей. Многие виды животных вымерли, – проговорил Налетти на одном дыхании.

Люди, сидящие в зале, начали живо что-то обсуждать. Сегодня волосы Адрианно были зачёсаны на бок и блестели от лака. Тёмно-синяя подводка делала его синие глаза насыщенными, а взгляд – глубоким. Он не пренебрегал использованием косметики «Красоты будущего». Об этом свидетельствовала матовая идеальная кожа лица. Такого удивительного эффекта практически невозможно добиться без новой серии чудесных средств. Его очки в тонкой еле заметной оправе и тёмно-синий пиджак без воротника подчёркивали статус следящего за модой мужчины. Адрианно жестом руки попросил зрителей вести себя тише, немного подождет и продолжил:

– Случаи заражения среди людей, в том числе Новой расы, росли, и ситуация выходила из-под контроля. Домашние питомцы начали нападать на людей прямо в их собственных домах и на улицах. Нашим правительством было решено истребить всех животных, – прокомментировал Налетти. После этих слов молодая женщина в зале громко зарыдала.

– Принесите, пожалуйста, воды этой даме, – громко попросил ведущий. Паренёк, спустившись по ступеням, разделяющим зрительские места на две равные зоны, подал девушке стакан. Она вытерла слёзы и, сделав несколько глотков, попросила слово. Тот же парень принёс микрофон.

– Здравствуйте, – всхлипывая, поприветствовала она присутствующих в зале. – У меня был приют. Я сама ветеринар по профессии. Принятие такого закона для меня стало неожиданностью и отразилось ужасной болью для всей моей семьи. Мы очень любили животных и старались найти дом и хозяев каждому из них. И у нас получалось. Но однажды утром, – сказала девушка, еле сдержав нахлынувшие слёзы, – я прихожу, а люди выносят их тела, завернутые в белую ткань. Мне сказали, что мой телефон не отвечал, и они были вынуждены принять такое решение. Я думала, это плохой сон, кошмар, но проснуться не удавалось.

– Спасибо вам. Я слышал, что в первую очередь взяли за приюты. Сочувствую вам, – сказал Адрианно, попросив вернуть микрофон обратно. – Я продолжу, с вашего позволения, – попросил он, низко раскланявшись, на что публика ответила бурными аплодисментами. – Двадцатиметровые бетонные стены с низкочастотными аппаратами, отпугивающие животных, с турелями и натянутыми проводами соорудили прямо в Надежде. За стенами, на незаселённых территориях, дышащих разнообразными болезнями, была только смерть. Употребление мяса животных в пищу стало невозможным. Потребовался месяц для полного уничтожения живот-

ного мира. Мир изменился, менялись и люди. Многие нашли выход в каннибализме. Мы продолжили цепляться за свою жизнь из последних сил, и наш взор пал на ферму «Создатель». Появившись не так давно, ферма благополучно решила проблему донорства органов и тканей за счёт вынашивания ребёнка в искусственной матке вне человеческого тела, которая обеспечивает плод питанием, а амниотическая жидкость служит для удаления отходов из развивающегося организма. Готовые доноры ждут своих клиентов и сейчас. Так что же нам мешает употреблять в пищу себе подобных? Процесс затягивают юридические вопросы и проблемы нравственного характера. Для некоторых это кажется, мягко говоря, необычным. Всё больше на телевидении показывают сюжеты о том, как полиция арестовывает преступников, хранящих дома человеческое мясо, купленное нелегально. Наша Надежда, наш дом столкнулся с проблемой каннибализма. «За и против» сегодня поможет более верно и глубоко определить, нужно ли действительно нашему обществу употреблять в пищу человеческое мясо. Мы вновь затрагиваем эту тему и просим каждого человека, достигшего двадцатилетнего возраста, проголосовать за или против в ближайшем пункте голосований. Список пунктов вы можете увидеть на центральном телеканале после выпуска передачи или на сайте нашего канала. Каждый гражданин обязан проголосовать за или против. Торопитесь, осталось три дня. Сегодня у нас в гостях Том Джонс и Эндрю Форд. Рады снова приветствовать вас в студии, господа! Начинаем дебаты, – нарастающим тоном объявил Налетти и присел на широкий подлокотник кресла, закинув ногу на ногу.

– В нашем кодексе нет такой статьи, как запрет каннибализма! – резко начал Том.

– Да, но он нигде и не разрешён, – спокойно ответил Эндрю, хотя он был немного шокирован резким выпадом оппонента.

– Я хочу сказать, что он не запрещён, если речь не идёт об убийстве. Получается, что человек может есть мясо того, кто добровольно согласился на это.

– Вы предлагаете есть мясо искусственно выращенных людей. По-вашему, это добровольное соглашение? И к тому же в процентном соотношении человек не может дать столько мяса, сколько может дать корова или свинья. Потребуется расширение ферм.

– Значит, на органы людей выращивать можно, а есть их нельзя? Люди скоро умрут от голода, – возмутился Том Джонс.

– А когда выращенные люди на ферме закончатся, опять все начнут жрать друг друга? Будем хранить человечину дома? В банках? Как кильку?

– Мистер Форд, я смотрю, вы плохо подготовились к дебатам, – сказал Том и, ухмыляясь, почесал пальцем правую бровь. – Система «Создатель» полностью контролирует ускоренное развитие плода. Еда не закончится никогда. Это наше будущее. И вообще, я не могу понять вашу позицию. Что плохого в том, чтобы накормить голодающий народ?

– Для этого и существует соя, служащая отличным аналогом мяса, к которому мы так привыкли, – высказался Форд, но аудитория встретила эти слова неодобрительным гулом и улюлюканьем. Некоторые с недовольным, выражающим отвращение лицом отклонились назад, прижавшись к спинкам кресел.

– Чушь, она отвратительна. Ничто не может заменить мясо. Мясо – это важный элемент питания. В сое очень мало метионина – одной из незаменимых аминокислот, которая участвует в построении молекул ДНК. К тому же соя вызывает бесплодие. Люди с таким трудом добиваются лицензии на разрешение иметь детей, – сказал Том Джонс, и толпа радостно зааплодировала.

– Соя вызывала бесплодие только у животных! Чистота многих экспериментов людей, которые сделали это заявление, вызывает кучу вопросов. Почему не клонировать животных? – спросил Эндрю. Публика была явно не на его стороне. Он был пожилым мужчиной лет шестидесяти с большими усами и блестящей лысиной на макушке. Он безрезультатно отстаивал своё мнение человека старой закалки, который боялся перемен.

– Потому что это опасно. Есть риск, что животные снова станут переносчиками заразы. И кроме того, выращенные люди абсолютно стерильны и не представляют никакой угрозы, пока их не купят. Это общеизвестный факт. Никакой заразы. Это очень важно в наше время, – сказал Том, который с первых дней, как вышел в свет, завоевал сердца большей части аудитории, чем его конкурент. День выборов в президенты неумолимо приближался, и эти дебаты являлись для Форда последним шансом всё исправить. Эндрю замешивался. Ему нечего было сказать, к тому же толпа сбивала его своими выкриками в поддержку Тома. – Мистер Форд, я слышал, вы женаты и что у вас нет детей, это так? – спросил Том Джонс и продолжил, не дожидаясь ответа: – Не связано ли это с тем, что вы и, наверно, миссис Форд, уверены, что по вашей инициативе, являетесь любителями сои?

И вновь аудитория встретила его высказывание бурей аплодисментов и смеющихся голосов. Эндрю в полной растерянности уставился на Тома, но тут же, грозно сведя брови, продолжил:

– Да как вы смеете? Это наша сугубо личная проблема, в которую вам не следует совать свой нос! – кричал Эндрю, вытирая платком своё потное лицо.

– Наши дебаты проявляют всё более сенсационный характер! У нас в зале есть желающие высказаться, – сказал Адрианно таким тоном, словно сообщил ошеломляющую новость, и протянул микрофон толстому мужчине в первом ряду. Он был настолько толстый, что занимал сразу два зрительских места.

– Конечно, я против этого, но это сложнее, чем кажется. Раньше в понятии «мясоед» и близко не было человеческого мяса. Вегетарианство зародилось очень давно. Люди отказывались от такого удовольствия из жалости к братьям нашим меньшим, которых мы по вынужденным обстоятельствам истребили. Я помню, в молодости каждый раз с каждого понедельника я обещал больше не употреблять убитых животных. Я смотрел фотографии инкубаторов, видео со скотобойни, пролистывал всех фермерских животных и смотрел им в глаза. И знаете что? Я находил в них душу, разум, искру мысли. А в данном случае мы говорим о людях. У нас была собака. Ну, у кого ее тогда не было? И все хозяева знают, что в них есть что-то разумное. У них есть характер! А если есть характер, значит, у них есть эмоции. Это было жутко осознавать, и проще было думать, что это всего лишь воспитание, дрессировка, привычки. Так вот, я понимал, что разумна не только моя собака, но и другие животные. Не так, как люди, но для своего животного мира это было так. И, подвластный этим мыслям, я решил отказаться от потребления мяса. Вышло у меня плохо, я мог держаться несколько дней и даже месяцев, говорить всем, что я веган, но в глубине души я осознавал, что это просто показуха. Я хотел быть тем, кем не являлся. Стараясь показать всем, что я добрый человек и люблю животных, я обманывал. Я знал это, но пытался изменить себя, но я не ел мясо, потому что не ел. Я голоую против, но если мясо начнут продавать, то я не знаю, смогу ли я сдержаться, чтобы не купить кусочек, – закончил толстяк и по просьбе ведущего передал микрофон назад смуглой женщине робкого вида.

– Я считала омерзительным есть человеческую ногу, но запах жареного мяса подкашивает мои мысли. Я ем мясо, потому что мне нравится. Пытаюсь не думать, мужчина или женщина, как выглядел этот человек и кем он не стал. Я просто ем. Как вы сказали, у каждого животного свой характер, они разумны. Так в чём, собственно, разница? Если мы когда-то выращивали животных для употребления в пищу, почему нельзя то же самое делать с людьми? В конце концов, чем мне кормить своих детей? Они тоже любят мясо. Я голосую за, – сказала женщина жутко писклявым голосом и передала микрофон обратно. Адрианно забрал микрофон у толстяка.

– Кроме того, соя содержит дайдзеин, – продолжил Том, не дожидаясь, что на это скажет его собеседник, закапывая своего конкурента. – Это растительный аналог женскому половому гормону эстрогену, и поэтому употребление сои может навредить здоровью ребёнка у бере-

менной женщины. Вы сами-то давно стали веганом? Вегетарианство давно уже вышло из моды, мистер Форд, взгляните на экран, – ухмыляясь, сказал Том. Эндрю поднял глаза на огромный экран, висящий в студии. На синем фоне чётко было видно 85 процентов против 15.

– Закон принимается большинством голосов от общего числа. Над текстом закона работают специалисты, досконально знающие те вопросы и проблемы, которые должен регулировать закон. Донести требования закона до всех граждан обязаны члены Дома Правления Надежды, так как законы затрагивают интересы каждого из жителей, – пояснил Налетти, завершив выпуск передачи.

Со значительным перевесом в пользу Тома Джонса через три дня было решено разрешить употреблять, а значит, продавать и покупать человеческое мясо. Позже Тома Джонса избрали в президенты Надежды.

* * *

Майкл Митчелл – мужчина крепкого телосложения, высокий брюнет с короткой стрижкой без чёлки и шрамом над правой бровью. Ходил он, сутулясь. Он объяснял это тем фактом, что не совсем хорошее зрение не даёт возможности смотреть вдаль, и он обычно смотрит себе под ноги. Митчелл работал сторожем на складе со стройматериалами. Платили мало, но главное, что стабильно. Сегодня был день зарплаты, и в голове успокаивающе всплывала мысль о предстоящем ужине. Майк уже собирался идти домой, когда директор махнул ему рукой, тем самым подозвав к себе. Пьяный старый мужчина с редкими седыми волосами, спрятанными под шляпу с большими полями, сегодня заставлял своих рабочих трахать проститутку, которую привёл с улицы. Несовы с их бедным кварталом частенько служили инструментом, чтобы удовлетворять извращённые желания совершенных. Человек тридцать прошло через эту девушку сегодня, а директор сидел за столом и мастурбировал, глядя на всё это. Он был из совершенных, а потому не подчиниться ему было равносильно самоубийству. Некоторые рабочие посчитали этот приказ чем-то вроде награды за свой труд, но Майкл Митчелл прежде никогда не испытывал такого стыда и унижения. Рядом с женщинами он всегда, несмотря на свою мужественность, казался ребёнком. Он не скоро забудет эту вонючую простыню, мокрую от пота, и эту девушку, тощую, бледную, как лист бумаги, со ссадинами на спине и настолько худыми ногами, что колени были толще бёдер. Во время акта он представлял Маргарет, но нагота шлюхи не шла ни в какое сравнение с телом жены. Проститутка шептала числа, умножала, вычитала, складывала их, пытаясь подсчитать свою долю, долю сутенёра и сколько у неё останется денег в конце месяца. Даже с закрытыми глазами и с достаточно хорошим воображением у него ничего не получилось. Директора несостоявшаяся сцена полового акта привела в бешенство. К тому же случайно разбитая им же последняя бутылка спиртного заставила его, что происходило крайне редко, подняться с кресла в рабочее время. Встав с деревянного скрипучего трона и не убирая руку от члена, он выгнал Митчелла из помещения, обозвав к тому же импотентом. Майкл вздохнул с облегчением. Но его тревожило, что коллеги станут смеяться над ним.

Митчелл не расскажет об этом своей жене и вообще никому не расскажет. Никогда. Он бы мог взять отвёртку и воткнуть в глаз этому директору за все унижения, за всех несовершенных, вынужденных терпеть бесконечные издевательства, но Майк не из тех людей, которым нечего терять. Если его казнят, что будет с его семьёй? Иногда, когда было совсем тяжело, он думал, что лучше бы Элис вообще не родилась, потому что ждёт её точь-в-точь такая же никчёмная жизнь, как у отца и матери. Он шёл домой и придумывал, как опишет жене свой рабочий день, она ведь обязательно спросит. И конечно, Маргарет сразу поймёт, что муж чем-то обеспокоен. Он вдруг подумал, что, возможно, Маргарет тоже недоговаривает на счёт того, как к ней относятся на работе, и тут же вопреки всем самым ужасным мыслям попытался успокоить себя:

– Нет, она ведь работает прислугой в хорошей уважаемой семье. Среди совершенных есть и хорошие люди. Они позволяют ей даже забирать оставшуюся еду домой. Работать дома у членов Новой расы – это престижно, – проговорил он вслух, снимая рабочий комбинезон. За свою не совсем благополучную жизнь Митчелл научился сам себя успокаивать. Будь то экстремальная ситуация, срочно требующая адекватного решения, или просто душевные переживания, поговорив сам с собой, пусть даже не вслух, Майкл быстро приходил в себя.

Квартал для несовершеннолетних напоминал помойку. Многие привыкли к такому нищенскому образу жизни, но Майкл всегда мечтал о лучшем и надеялся, что скоро всё наладится. Иногда он даже молился.

Кривые здания в три этажа ломаной линией тянулись вдоль высоченной стены. Каждое второе окно было заколочено досками. Почти никто не обращал на него внимания, лишь некоторые юрко стреляли настороженным взглядом ему вслед, думая урвать кусок зарплаты у обеспеченного работой несова. Откуда-то вырывалась музыка. Громящая низкими басами, напоминая шум мощного заведённого двигателя, она звучала так громко, что выворачивало наизнанку.

Бедные кварталы, тянувшиеся вдоль защитных стен, были заполнены женщинами с жидкими волосами, распухшими ногами, чёрный пушок на которых с трудом мог скрыть синие широкие вены. Они продавали себя. Румяна лежали на их лице толстым слоем как маска. Это была не косметика из «Красоты будущего», а какая-то шпатлёвка.

Неожиданно дверь подъезда с лязгом распахнулась, дверные петли оторвались, и она с грохотом рухнула, придавив ноги сидящему рядом тощому просящему подаяние мужчине. Старик с якобы парализованными ногами завопил от боли на всю улицу. На грязный тротуар из подъезда выбежала женщина с воспалёнными красными глазами. Из-за худобы её глаза казались непропорционально большими. Но она выбежала не на помощь бедолаге. Она быстро крутила головой по сторонам, пытаясь найти кого-то. Её взгляд остановился на пузатом темнокожем мужчине в бейсболке и рваном пальто. Он катил тележку с перевязанным верёвками барахлом, на которой сверху лежал большой телевизор с трещиной на весь экран.

– Ты продал моего ребёнка! Верни моего мальчика! – кричала она. Мужчина, не сказав ни слова в ответ, оставил тележку с выменянным на её ребёнка добром и быстрым шагом пошёл навстречу женщине. Выпячивая от злости нижнюю челюсть, сжимая кулаки и нелепо двигая руками, он походил на разъярённую гориллу. Другие проститутки пугливо отскакивали, уступая дорогу своему сутенёру, и когда он проходил мимо, виновато опускали головы вниз, а некоторые, защищаясь, закрывали лицо руками. Кричащая женщина, увидев, как горилла целенаправленно идёт к ней, резко замолчала и убежала обратно в дом. Сутенёр вошёл вслед за ней, наступив на лежащую дверь, тем самым повторно вызвав оглушительную брань тощего старика, который, продолжая играть свою роль, остался сидеть с тяжёлой дверью на ногах. Митчелл огляделся. Толпа детишек злобно окинула его взглядом и резко скрылась за угол дома. Видимо, в подворотне Майкла уже кто-то ждал, надеясь отобрать деньги. Майк решил не рисковать и, нарушив свой привычный маршрут, прошёл мимо. Он был не из пугливых, но в кармане у него и вправду находилась небольшая сумма наличных.

Возраст проституток можно было определить только по обвисшим грудям или морщинам на теле, но, несомненно, почти все эти женщины были намного старше Майкла. Самые красивые были самыми уставшими. Они уже много раз видели Митчелла, идущего домой после работы. Предлагать ему своё тело не имело смысла. Он всегда вежливо отказывался. Они отвернулись и как ни в чём не бывало продолжили заниматься своими делами. Майк обратил внимание на одну старую шлюху, которая что-то громко доказывала молодой. Она учила молодую, как правильно показывать себя проходящим мимо потенциальным клиентам.

– Надо показывать сиськи не так, – кричала она, задрав грязную футболку вверх и обнажив свою сморщенную старую грудь, – а вот так, – злостно завопила она словно ведьма и,

максимально оттянув воротник, опустила уже растянутую футболку вниз, снова продемонстрировав два отвратительных сморщенных мешка, но они уже не казались обвисшими. В благодарность за полезный совет молодая проститутка поцеловала свою мудрую наставницу в щёку. Постукивая каблуками, привлекательная девушка быстро перебежала на противоположную сторону улицы и, уже улыбаясь, встречала там Майка, пользуясь полученным опытом. Митчелл прошёл мимо, чем заслужил показанный девушкой средний палец.

Майкл миновал важно шествующего с чёрным пакетом совершенного. Он пришёл сюда развлечься. В плотно облегающем содержимое пакете, очевидно, лежало всё необходимое, чтобы хорошо провести вечер. Всё, кроме компании. Жрицы любви заискивающе ловили его надменные взгляды. Старые шлюхи сторонились, уступая место молоденьким. Видимо, его предпочтения уже знали. Одна из них, пышногрудая брюнетка, получив согласие, взяла его за руку и повела в дом.

За деньги здесь можно было купить не только секс. Высокая грациозная блондинка в чёрном деловом костюме бросалась в глаза. Она снимала бельё с верёвки. Обтягивающий сверкающий костюм подчёркивал её стройное тело, длинные ноги дополняли высокие шпильки. «Что она делает среди всего этого сброда?» – подумал Митчелл, и тут же она поправила свои волосы, плавным движением приглаживая их рукой ото лба к затылку. У неё не было ушей. Она повернулась в сторону Майка, и его передёрнуло от неожиданности. Щёки были симметрично вырезаны. Отсутствие губ демонстрировали сверкающие белые зубы. Нос тоже был отрезан. Судя по тому, что Митчелл её тут раньше не видел, она была новенькой. Майкл испытал не страх, а жалость к ней. Но чувство жалости перебил здравый смысл. Он всегда сочувствовал тем, кому повезло меньше него, всегда давал деньги беднякам, если они у него были, но это была не та улица, где заслужили милость Майкла. Здесь обитали только проститутки, наркоманы и бандиты. Работы для несовершеннолетних полным-полно. Они вполне могли найти занятие поприличнее. Он по возможности помогал исключительно тем, кого знал лично. Например, пожилая соседка с больными ногами, мать-одиночка с тремя детьми из соседнего дома. Они хотели работать, но не могли. Он всегда с презрением относился к лентяям и к людям сомнительных профессий. Была бы его воля, он бы всех их заставил найти достойную работу. Они, по его мнению, позорили несовов, притягивая ко всему бедному кварталу и к его жителям негативное впечатление.

За приличную плату проститутки могли продать на съедение часть своего тела и даже поужинать вместе с тобой, не жалея собственной плоти. Целый ряд женщин вдоль дороги говорил об этом. Кроме нижнего белья и обуви, на них ничего не было. Все они были бледные и худые. У кого-то не было руки или ноги, а то и вообще ничего, кроме головы и туловища. Безногие и безрукие научились передвигаться самостоятельно. Упираясь подбородком в землю, они сокращались и подтягивали своё тело вперёд. Троица ползущих гусениц заставила Митчелла улыбнуться. Некоторые лишившиеся конечностей лежали в строительных тележках.

Неожиданно Майкл чуть было не споткнулся об одного из мужчин, которые сидели прямо на земле, пили синеватую жидкость, передавая бутылку по кругу, и сразу же после пары глотков они падали на землю, начиная трястись в лихорадке.

– Господи, посмотри на этот бардак. Мир катится к чертям. Точно. Катится к чертям, – тихо произнёс старик, сидевший на углу возле алтаря, который ещё не раздербанили до конца, и держал на коленях потёртую книгу. Название было не прочитать, видимо, один из умерших языков. Рядом с ним лежал раздетый догола спящий мужчина с бутылкой в руке. Из кирпичей и маленьких камней старик, видимо, сам соорудил свой алтарь.

– Так ведь было всегда? – спросил Митчелл, и старик поднял трясущуюся голову.

– Я хранитель правды в мире лжи! – закричал он. Щуплый, седой, с длинным орлиным носом, в чёрном пиджаке с белой лентой на шее поверх воротника, в рваных грязных штанах, мужчина лет семидесяти выглядел нелепо. На его ногах старые сандалии прикрывали носки,

которые когда-то были белыми. Из дырок выглядывали пальцы с чёрными длинными ногтями. Он частенько бродил здесь с каким-то красным черпаком, прося подаяние. Он думал, крихтя. – Видел это здание? – он кивнул головой в сторону каких-то руин через улицу. – Его разбомбили эти дьяволы, эти... Раньше я там... Это церковь. Она была моим домом. Религия, если бы люди проявили к ней склонность, она бы жила. Без веры жить невозможно. Когда-нибудь бог снова вспомнит про нас. Он просто забыл! Но он вспомнит! Господь забыл, а дьявол изгнал... – сказал он и резко замолчал. Прислушиваясь и принохиваясь к чему-то, его не совсем чистые ноздри раздувались. Он обрывал фразы на половине, но говорил с чувством, производя впечатление человека, который искренне верит в то, что говорит. Он был немного пьян, и весь его вид выражал нестерпимое горе. Затем он начал что-то бормотать на непонятном языке и рисовать усохшими пальцами, периодически прикладывая их к языку, какие-то знаки на песке. Слушать старика дальше не имело смысла. Майкл осторожно положил несколько блестящих монет в его черпак и торопливо ушёл.

На этой обезумевшей территории, выделенной несомнам, лишь некоторые сумели научиться цепляться за здравый смысл. Майкл дошёл до своего красочно исписанного разными непристойностями дома. Напротив подъезда несовершенные рылись в мусорных баках, пытаясь найти картофельные очистки или заплесневелый хлеб. Открыв двери ветхого трёхэтажного дома, дорогу Майку преградила старуха и, посмотрев ему прямо в глаза, от удивления широко открыла рот. Она словно забыла, как дышать, и беспомощно хватала воздух своим беззубым ртом. Некоторое время они стояли неподвижно, а когда в её открытом рте в щели между чернеющих зубов запузырилась слюна, старуха начала что-то нашёптывать.

– Ты помечен. В числе двадцать два твоя судьба. Ты сможешь изменить этот мир к лучшему, несчастный, – наконец внятно произнесла бабка. Её опухшее лицо приобрело вид, отдалённо напоминающий мыслительный процесс. Майкл осторожно отодвинул её рукой в сторону и поднялся по лестнице в свою квартиру.

Позже вечером за так называемым ужином Элис кричала от злости и с беззаботностью своих малых лет хватала еду с папиной тарелки. Маргарет всегда ругала её за это и просила не жадничать. Но стоило ей отвернуться, Элис тут же тащила куски хлеба из жалких запасов семьи Митчелл. Еды в бедном квартале на всех не хватало. Хорошо ел только тот, кто был на порядок наглее, чем остальные. Каждый хотел урвать побольше. Многие – даже больше, чем им было нужно. В кварталы несовершенных еду привозили редко и в малых количествах. В основном это были консервы с истёкшим сроком годности. Чаще всего привозили корм для животных. Элис хорошо ела тот, который предназначался кошкам. Майкл сломал не одну челюсть в битве за заветные баночки с изображением полосатого кота.

Тёмная, гнусная, убогая комната с окнами, наглухо забитыми досками, – это всё, что у них было в то время. Они жили в маленькой квартирке на втором этаже. Почерневшая раковина под разбитым зеркалом в коридоре напротив лестницы была одна на несколько семей, также как кухня и душ, что для очень скромной и совершенно не общительной Маргарет было неприемлемо. Отовсюду торчали ржавые гвозди, ступеньки жутко скрипели. На стене красной краской кто-то написал слово «крыса», чуть ниже – «соси».

Дочь Элис, названная в честь бабушки Майка, очаровательная, но очень капризная беспокойная девочка, часто болела, и основная часть денег уходила на лекарства. Одной из немногих вещей, которые могли успокоить девочку, был солнечный зайчик, который мама отражала своим маленьким потёртым красным зеркальцем. Эта игрушка казалась Элис самой лучшей на всём свете. Митчеллы жили крайне бедно, но однажды одним поздним вечером Майк увидел по телевизору рекламу магазина, где в морозильных камерах на полках лежали брикеты с человеческим мясом. Майку пришла в голову гениальная идея. Лайм, его сосед и друг, работает ночным охранником на этой ферме, а значит, достать искусственно выращенное тело человека не составит особого труда. Остаётся только разделать и продать. До ядерной

катастрофы Майк был неплохим мясником, поэтому снятие шкур и разделка туш для него также не являлись проблемой.

Прошло два месяца, как Митчелл вместе со своими соседями Лаймом и Сарой Смит уже всю похищали тела и разделывали их в подвале дома, затем складывали в арендованный грузовик и нелегально продавали мясо на запрещённом рынке с приличной скидкой. Оголодавшие люди сгребали мясо без разбора, и вскоре Митчеллы смогли позволить себе скромный домик в том же бедном квартале, только в местечке попримечнее. Дом с уютной гостиной, столовой с большим обеденным столом и высокими стульями, двумя спальнями с модными овальными окнами и белоснежной кухней.

Но несколько месяцев спустя об этом пронюхала полиция, и вскоре Лайма вместе с его очень неосторожной и болтливой женой публично казнили, обвинив в хищении государственной пищи особо нуждающимся, коими являлись совершенные, постоянно набивающие своё брюхо. Митчеллы чудом остались на свободе, но перед смертью Лайм назвал имя Майкла, понадеявшись на милосердие судей. Его всё равно казнили, а Майка долгое время допрашивали. Его избивали до полусмерти, топили, вывозили на окраину, угрожая расправой, но он ни в чём не признался. Особо важную роль сыграли жена и дочь. К семейным несомам полиция относилась более снисходительно. Без семьи его бы сразу посадили без потребности признания. Как выяснилось позже, Митчелл был не первым подельником, которого заложил Смит. Возможно, надпись «крыса» на первом этаже дома предназначалась именно Лайму. Не сумев собрать достаточное количество доказательств, Майку дали условный срок четыре года и каждодневные исправительные работы на военном заводе. Банковские счета Митчеллов заморозили, но дом оставили, так как у них был ребёнок. На заводе ему платили небольшие деньги, хотя выплачивать или нет зарплату условно осуждённому оставалось на усмотрение директора завода. Денег хватало только на самое необходимое. Митчеллы снова оказались не в самом лучшем положении. Майк всегда мечтал, чтобы его семья ни в чём не нуждалась. Он был пленником своей мечты, которую ненавидел, потому что ей никогда не сбыться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.